

Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности¹

Н. Е. Харламенкова

Становление психологии как науки стало возможным не только благодаря развитию экспериментального метода и разработке принципов проверки каузальных гипотез (принципов верификации/фальсификации и их применения для проверки психологических гипотез), но и вследствие интенсивного развития теоретического метода, возможности использования в психологии исследовательских процедур, с помощью которых «формируется мир научной теории» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 55).

Психологическое знание, как и любое другое научное знание, должно соответствовать критериям истинности, универсальности, объективности; как результат научного познания оно может и должно быть логически обосновано. Знание используют для *описания, объяснения* и *предсказания* изучаемых явлений, в том числе и психических; представленное в символической форме знание передается от одного человека к другому и в большинстве случаев не требует дополнительной проверки на истинность.

Цель статьи – анализ проблемы теоретического знания и его формирования с помощью познавательной процедуры «обоснование», а также изучение формирования теоретического знания в истории и на современном этапе развития психологии личности.

Эмпирическое и теоретическое знание. Объекты теоретического знания и проблема их существования

Традиционно выделяют теоретический и эмпирический уровни научного исследования (Швырев, 1978); различают знание, полученное в ходе организации собственно эмпирической проверки

1 Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0004.

гипотез, — *эмпирическое знание*, и полученное в процессе построения теоретических моделей, концептуальных систем и др. — *теоретическое знание*.

Для психологии актуальной остается проблема построения *научной теории*, верифицированной эмпирическим путем, а также проблема создания новой теории как следствия получения уникальных эмпирических данных. Замечено, что «при рассмотрении науки, стоящей на достаточно высокой ступени развития, «тайна» постоянной эволюции ее двух основных элементов — теории и эмпирии, — а следовательно, и науки в целом оказывается заключенной в непрерывном взаимообмене информацией, происходящем между этими двумя элементами. Притом движение от теории к эмпирии оказывается столь же законосообразным, «естественным» и непрерывным, что и движение от эмпирии к теории» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 57).

Серьезным вопросом, который обычно возникает при обсуждении особенностей *теоретического знания*, является *проблема существования* (именно существования!) объектов, о которых получено это знание. Более конкретно она формулируется так: включает ли в себя теоретическое знание только знание о мире наблюдаемых явлений и процессов или это еще и знание о принципиально ненаблюдаемых предметах и феноменах? Если, как утверждает Б. С. Грязнов, придерживаться наивно-реалистического взгляда на теоретическое знание, то большая часть понятий и научных утверждений останется за границами знания, поскольку найти для них «непосредственного референта в материальной действительности» (Грязнов, 1982, с. 21) так и не удастся.

Для психологии вопрос о существовании объектов, которым соответствует теоретическое знание, также вполне актуален, поскольку, несмотря на, казалось бы, очевидность и наблюдаемость психических явлений в реальной жизни, говорить о прямом их соответствии теоретическим утверждениям было бы так же неверно, как неверно считать, что математики и физики «готовы отождествлять мир теоретических объектов с миром наблюдаемых вещей и процессов в эксперименте» (Грязнов, 1982, с. 19). Такое мнение действительно спорно, ведь теоретические законы могут включать в себя и обобщенное представление об эмпирических свойствах мира, и высказывания о свойствах мышления, а также о языке как универсальной знаковой системе (В. Гейзенберг), используя которую, мы пытаемся понять, объяснить и предсказать явления природы и общества (там же, с. 20).

Специфика психологического знания в отношении проблемы *существования объектов* теоретических рассуждений вполне очевидна и состоит в том, что не все психические феномены могут быть выявлены посредством наблюдения (таковым является, например, мотивация). Кроме того, многие из них неосознаваемы и проявляются косвенно, в виде изменений в функционировании других психических процессов (например, психическая травма обнаруживается в нарушении памяти, внимания, в изменении эмоциональных реакций и др.). Особый статус имеют так называемые латентные характеристики. Это не всегда бессознательные психические феномены, но такие свойства, которые по разным причинам актуализируются редко, однако выступают ресурсом функционирования человека в настоящем и основой его развития в будущем. Речь идет о «латентно-протекающей деятельности» (Анцыферова, 2004), о «латентных, нерелевантных свойствах» ситуации (Критская, Мелешко, 2015). По мнению Анцыферовой, такие субдоминантные деятельности выполняют важную роль в процессе психического развития личности и ее интеграции. «Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удастся вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер» (Анцыферова, 2004, с. 198).

Все перечисленные нами психические феномены, неявно обнаруживающие себя при наблюдении и самонаблюдении, но при этом реально существующие, характеризуют специфику прежде всего *эмпирического знания* в психологии, которое необходимым образом становится основой *теоретического знания*.

Говоря об особенностях психологического знания, Л. М. Веккер отмечает, что именно в процессе познания *психической реальности* происходит причудливое соединение поверхностного любопытства и склонности к строго логическому обоснованию выявленных зависимостей, актуального практического интереса и потребности в абстрагировании от отдельных случаев, примеров, иллюстраций (Веккер, 1998). Разные феномены и факты как основа теоретического обобщения при построении той или иной теории, а также различия в способах этого обобщения часто приводят к порождению большого количества теоретических концепций, к их несогласованности и дробности. «Опыт истории и логика развития науки

ясно свидетельствуют о том, что такого рода обилие концепций является серьезным индикатором недостаточной теоретической зрелости» (там же, с. 8).

Следует согласиться с тем, что разрастание теоретических моделей, объясняющих один и тот же психический процесс, скорее всего, свидетельствует о функциональных ограничениях теоретического метода и скудности теоретических приемов и процедур, используемых для обоснования полученных эмпирических данных. Тем не менее, существование различных точек зрения вполне допустимо, как допустимо использование разных познавательных приемов для доказательства, объяснения, интерпретации изучаемого объекта с целью получения о нем истинного знания.

Разумно в связи с этим вернуться к работам Б. С. Грязнова, который также утверждал, что формирование знания об объекте всегда предполагает зависимость этого знания от активности субъекта, которым является ученый, от его научной позиции, предпочитаемых методов, условий фальсификации гипотезы. Автор пишет, что «объект теоретического исследования не может быть дан исследователю в качестве предмета созерцания, а всегда представляет собой продукт нашей деятельности, поскольку решение проблемы существования каждый раз в конечном итоге сводится к анализу генезиса объекта и способов его введения в мир теоретического знания» (Грязнов, 1982, с. 25).

Процедуры объяснения и научного предвидения в психологии

О каких же исследовательских процедурах идет речь, когда обсуждается вопрос о введении объекта в мир теоретического знания? Прежде всего, это процедура *обоснования*, которая «представляет собой главное средство формирования теоретического мира» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 60) и включает в себя разнообразные операции познавательного, нравственного и эстетического сознания – определение, объяснение, доказательство, интерпретацию и др., которые являются ее разновидностями (Никитин, 1970, 1981, 1988). «В области морального сознания оно (обоснование. – *Н. Х.*) представлено такой операцией, как оправдание (осуждение), а в области собственно познавательной деятельности – операциями интерпретации, подтверждения номологической импликации (вообще – условного суждения), предсказания, объяснения, доказательства и др.» (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973, с. 75).

Обоснование как универсальная процедура сознания позволяет с помощью одного идеального объекта, называемого *основанием*, сообщить другому объекту — *обосновываемому* — те или иные характеристики первого (Никитин, 1981). Благодаря процедуре обоснования происходит включение нового объекта в систему знания, упорядочивание и связывание множества идеальных объектов, т. е. в целом формирование и реконструкция теоретического знания. Существование разных видов обоснования характеризует многообразие процедур формирования теоретического знания, которые определяются историей и логикой развития представлений о данном объекте в науке, а также научной позицией самого ученого, принципами его исследовательского подхода к анализу явлений мира, его собственной историей изучения данного объекта, задачами планирования исследования этого объекта в будущем. Виды обоснования определяются типами объектов — теми, которые предполагается обосновать (*обосновываемое*) и теми, с помощью которых происходит обоснование (*основание*). В качестве видов обоснования можно выделить эмпирическое и теоретическое обоснование простых и сложных объектов (Грязнов, Дынин, Никитин, 1973), универсализирующее и конкретизирующее обоснования. Последние два, например, различаются направлением и характером обоснования: *универсализирующее обоснование* — подведение уникального объекта под некоторый универсальный класс идеальных объектов; *конкретизирующее обоснование* — наделение универсального объекта конкретными характеристиками, например, сопоставление универсального положения с фактами, эмпирическими данными и др. Иными словами, «в универсализирующем обосновании идеальный объект — обосновываемое — получает в результате процедуры атрибут универсальности (необходимости)..., в конкретизирующем обосновании он получает атрибут конкретности (предметности)» (Никитин, 1981, с. 77).

Важнейшей исследовательской процедурой является *предвидение*, без которого объяснение и обоснование не являются достаточными познавательными приемами, необходимыми для оценки правдоподобности и истинности теоретического знания. Объяснение, понимание, в целом — обоснование различных феноменов являются основой для предвидения; однако и само предвидение становится некоторым фундаментом для обоснования теоретических и эмпирических данных (Никитина, 1975; Никитина, Никитин, 1994). Предвидение — необходимый атрибут научного исследования, в котором специфика научного познания раскрывается в его прин-

ципиальной непрерывности: в постановке новой проблемы и формулировке новых гипотез, определяющим для которых является как эмпирическое, так и теоретическое знание, полученное «здесь и теперь», но которое, благодаря особой способности исследователя к антиципации, находит свое продолжение в будущем. Непрерывность исследования, обусловленная единством обоснования и предвидения, устанавливается не случайно, а благодаря активности самого исследователя, который как субъект познания со всей очевидностью демонстрирует в этом познавательном процессе континуальность, антиципацию и субъектность собственного психического развития (Сергиенко, 2012, 2016; Журавлев, Сергиенко, 2016).

Не следует забывать и о том, что предвидение является не только составляющей познавательной деятельности исследователя, но и одним из критериев истинности знания, поскольку позволяет подтвердить его достоверность воспроизводством выявленной зависимости в настоящем и предсказать повторяемость этой зависимости в будущем. «Таким образом, предвидение в известном смысле замыкает этап теоретической деятельности, вбирая в себя в снятом виде результаты всех предшествующих исследований... практическая ценность длительного процесса научного исследования находит концентрированное выражение в предвидении, в способности строить обоснованные прогнозы» (Никитина, 1975, с. 133).

Рассуждения о необходимости серьезного рассмотрения проблемы объяснения и обоснования в психологии небезосновательны и, по существу, затрагивают главный для любой науки вопрос о возможности создания общей методологии науки, о допустимости формулировки теоретических законов, а также о вероятной предсказуемости на их основе конкретных явлений (Юревич, 2000, 2005; Мазилев, 2006а, 2007; Теория и методология..., 2007; Знаков, 2016). В истории развития психологии объяснение психических явлений было одной из важнейших целей и задач познавательной деятельности ученого, причем, по мнению А. Н. Ждан, развитие взглядов на объяснение было сопряжено со все большим интересом исследователей разных эпох к «своеобразию психического, все большей адекватности объяснения природы психического, раскрытию всей полноты его разнообразных свойств и отношений с миром» (Ждан, 2008, с. 26).

Объяснение психического через психическое, как утверждает А. В. Юревич, ссылаясь на работы авторитетных ученых, для многих исследователей является основополагающим принципом научного поиска, которым они руководствуются при интерпретации и тол-

ковании полученных эмпирических фактов (Юревич, 2006, 2008). При этом собственно психологическое объяснение часто «препятствует восхождению на уровень общих законов» и в лучшем случае реализуется в виде подведения конкретного случая под общий знаменатель какого-либо класса явлений путем его деиндивидуализации. Таким образом, пишет Юревич, при объяснении полученных данных «индивидуальное деиндивидуализируется, вариативное превращается в (относительно) инвариантное, единичные явления переводятся в разряд классов явлений», а затем предлагается «объяснение этих явлений как принадлежащих к определенному классу» (там же, с. 80). Сравнивая принципы объяснения в естественных и гуманитарных науках, автор тонко подмечает, что «настоящие науки (естественные. — *Н. Х.*) начинаются там, где социальная наука останавливается: физика и химия начинаются объяснением эмпирических обобщений в терминах теоретических законов и связанных с ними теорий, в то время как большее, что могут сделать представители социальных наук, за исключением, возможно, экономистов, это вывести эмпирические законы из более общих законов того же плана» (с. 79). В данном смысле сведение принципа объяснения полученных психологических фактов к одной типичной объяснительной модели не позволяет этой познавательной процедуре выполнить свои функции — сделать явления понятными, включить их в систему знания, сделать предсказуемыми и т. д. Подлинно научное объяснение в психологии, согласно Юревичу, может быть только «редукционистским», т. е. предполагающим переход на другой уровень объяснения и принятие идеи многоуровневых объяснений, проникающих на разные уровни причинности (с. 87).

Другой точки зрения на психологическое объяснение придерживается В. А. Мазилев. Не отвергая идеи о психологическом объяснении как познавательной процедуре, предполагающей выход за границы психологического знания, Мазилев придерживается собственного мнения на возможность объяснения психических явлений с помощью языка других наук. Автор пишет, что «представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично», а вот так называемое «наведение мостов» между естественно-научной и гуманитарной парадигмами, конечно, необходимо, но не за счет редукции психического к непсихическому, а путем разработки «максимально широкого понимания предмета психологии» (Мазилев, 2006б, с. 65). По мнению данного автора, проблема объяснения в психологии может быть адекватно решена, если

эта познавательная процедура будет рассматриваться не отдельно от научно-исследовательской деятельности, но анализироваться как ее необходимая и важнейшая часть, т. е. в более широком контексте. «Задать такой контекст может схема соотношения *теории* и *метода* (курсив мой. — Н. Х.) в психологии» (там же, с. 68). Так, применение к полученным данным процедуры интерпретации результатов показывает, что исследователь остается в рамках основного вопроса, который им был поставлен ранее. В этом случае «базовая категория и интерпретирующая категория совпадают» (с. 70). В том случае, когда начинает использоваться объяснительная категория, не совпадающая с базовой, можно считать, что исследователь обращается к процедуре объяснения в собственном смысле этого слова. Так, например, интерпретация данных, полученных исходя из категории «структура», может осуществляться с помощью другой категории — «процесс».

Немаловажным, с точки зрения В. А. Мазилова, является обсуждение проблемы объяснения в соотношении с вопросом о *предмете* психологии. Рассматривая психическое как объективно существующую реальность, исследователь закономерным образом обращается к объяснению психического именно через психическое, расширяя и специфицируя эту область знания относительно других наук. Современный этап развития психологии, как считает автор, характеризуется множественностью теоретических позиций относительно разных психических явлений, что не исключает разнообразия и сосуществования видов объяснения, но, наоборот, допускает возможность обращения к ним при обосновании теоретических или эмпирических данных. Проблема разнообразия теоретических позиций во многом согласуется с «многомерностью мира человека» вообще, с разными ипостасями его существования и, соответственно, с разными типами социального знания. Так, согласно подходу В. В. Знакова, мир человека состоит по крайней мере из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной; соответственно, типы понимания этих реальностей и виды социального знания о каждой из них следует различать (Знаков, 2012, 2013, 2016). В этом смысле такие типы понимания, как понимание-знание, понимание-интерпретация и понимание-постижение, соответствуя каждой из названных областей мира человека, имеют нечто общее с процедурой понимания вообще, с одной стороны, конкретизируя представление о понимании, а с другой — показывая многомерность и сложность природы понимания человеком своего бытия. «Понимая множество... конкретных

событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того, чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую сторону общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций» (Знаков, 2016, с. 21).

Приведенное исследование еще раз доказывает, что вариативность одной и той же познавательной процедуры не может считаться явным критерием слабости теории, но свидетельствует об особенностях научного знания и о специфике данного этапа развития конкретной науки. Для психологии верны оба тезиса: во-первых, наличие индивидуального разнообразия при изучении какого-либо психического феномена, и, во-вторых, признание современной психологией необходимости изучения индивидуально-психологических различий между людьми, принятие ориентиров на изучение уникальности путей развития психики (Сергиенко, 2011, 2012, 2016; Журавлев, Сергиенко, 2016; Принцип развития..., 2016).

Указанным особенностям развития современной психологии (о других его характеристиках см.: Методология комплексного человекознания..., 2008; Взаимоотношения..., 2015; Ушаков, Журавлев, 2016; и др.) соответствует допустимое многообразие типов объяснения данных, а также варианты прогнозирования развития теоретического знания и его применения на практике. Рассматривая объяснение, предсказание, интерпретацию и др. как отдельные операции познавательной деятельности человека, которые в своей совокупности представляют познавательную *процедуру обоснования* как метода построения теоретического мира, Е. П. Никитин полагал, что через обоснование мы не только лучше понимаем изучаемый объект, но и систематизируем общее предметное поле, формируем то знание, которое не всегда непосредственно соотносится с наблюдаемым объектом или явлением, но воссоздается благодаря синтезу конкретизирующего и универсализирующего обоснований. Для психологии это очень важный момент, поскольку некоторые особенности психической реальности могут быть обнаружены преимущественно через процедуру обоснования различных случаев (уникалий) и отнесения их к классу однородных объектов на основе построения универсального теоретического знания. «Участвуя в универсализирующих обоснованиях, они (универсалии. — *Н. Х.*) сообщают обосновываемым идеальным объектам (уникалиям. — *Н. Х.*) атрибуты универсальной значимости, субъективной необходимости и т. п.» (Никитин, 1981, с. 46). Конкретная процедура объ-

яснения факта означает, что он подчиняется определенному закону или системе законов, при этом внося в это универсальное положение определенную долю фактуальности.

К обоснованию как главному средству формирования теоретического мира, а также его отдельным операциям — определению, доказательству, объяснению, интерпретации, предсказанию и др. — обращаются специалисты разных наук (см.: Современные направления..., 2003; и др.). Особую значимость эта познавательная процедура имеет там, где формулировка универсальных положений осуществляется на основе обобщения индивидуальных случаев, т. е. там, где превалирует идиографический метод. В этом смысле гуманитарное направление в психологии и, в частности, *психология личности*, представляют собой особые сферы познавательной деятельности исследователя, в которых формирование эмпирического и теоретического знания основывается на традиции использования идиографических и морфогеничных процедур (Г. Оллпорт), способствующих выявлению уникального в личности (см., напр.: Психологические исследования личности..., 2016). Тенденция исследовать личность с позиции оценки ее уникальности ставит ключевой вопрос о путях и способах формирования универсального знания в гуманитарном направлении психологической науки.

Подходы к формированию теоретического знания в современной психологии личности

Для психологии проблема ориентации на уникальное/универсальное знание была актуальна всегда, однако наиболее острый момент в ее обсуждении пришелся на конец первой — начало второй трети XX в. Во многом это произошло благодаря работам Гордона Оллпорта, для которого решение данной проблемы было сформулировано в виде основного положения разработанной им оригинальной теории личности. Оллпорт полагал, что его теорию черт можно рассматривать как «конкретно приложимую» к бесконечному разнообразию форм личностного существования и в то же время как достаточно абстрактную, основанную на общепсихологических закономерностях. При этом он утверждал, что исследователь-психолог пользуется и номотетическим, и идиографическим методами. «Чтобы уравновесить преобладающий *номотетический (nomothetic)* подход, который состоит в поиске общих законов, Оллпорт предлагал взять на вооружение методы, позволяющие исследовать

мотивационное и стилистическое поведение в отдельном, конкретном случае» (Фрейджер, Фейдимен, 2006, с. 678).

Утверждая в 1930-е годы, что психология — наука, для которой характерно использование как номотетического, так и идиографического метода, Оллпорт лишь приступает к рассмотрению принципов перехода между уникальным, особенным знанием, с одной стороны, и универсальным, общим — с другой, по существу оставляя в стороне вопрос о способах введения объекта в мир теоретического знания (Б. С. Грязнов).

С нашей точки зрения, анализируя подходы к формированию теоретического знания в истории психологии личности и на современном уровне исследований, можно выделить три направления теоретизирования: 1) подведение уникального — прежде всего эмпирического — знания под *универсальное понятие* с помощью процедуры *описания* данных; 2) обобщение уникальных данных путем разработки различных типологий личности с их последующим *объяснением* и подведением под *универсальные положения*; 3) *обоснование* идеальных объектов с помощью *системы универсальных положений* о личности на основе разработки теории и *предсказание* на ее основе как уникального (фактического) знания, так и универсального (теоретического). Безусловно, существуют и другие подходы к формированию теоретического знания, но мы остановимся только на этих трех.

Рассмотрим выделенные направления подробнее.

Описание как процедура подведения уникальных данных под универсальное понятие

Процедура *описания* уникальных данных является одним из наиболее распространенных приемов, используемых как в истории психологии личности, так и на современном уровне ее развития. Описывая данные, исследователь использует научные термины, понятия, соответствующие определенной теории. Описание — это «подведение фрагментов чувственного материала под универсалии, т. е. универсализирующее обоснование первых вторыми» (Никитин, 1981, с. 101). При описании *основанием* процедуры обоснования чаще всего выступает именно *универсальное понятие*, а не универсальное положение или система последних. Подведение единичного феномена, факта под понятие, т. е. понятийное обозначение наблюдаемого явления, события и др. позволяет совершить процедуру обобщения исходных данных уже на этом уровне теоретизирования.

В психологии личности такая процедура формирования теоретического знания является распространенной. Она состоит в том, что исследователь проводит анализ эмпирических данных, используя специальный научный язык, т. е. принятые в данной области знания научные термины, которые, как известно, в отличие от обычного языка, характеризуются самоидентифицируемостью, однозначностью, эмоционально-экспрессивной нейтральностью (там же, с. 101). При отсутствии в науке понятий, которые можно было бы использовать для обозначения новых эмпирических фактов, на начальном этапе исследования допустимо использовать язык эмпирической науки либо метафорический язык с последующим универсализирующим обоснованием наблюдаемых явлений на языке теории (см., например: Психологическое здоровье личности..., 2014).

Не менее распространенной формой теоретизирования является сопоставление собственных данных с данными других исследователей, что, по существу, представляет из себя процедуру подведения их под универсальное понятие, принятое в науке и используемое разными авторами. Процедура описания может быть направлена и на характеристику закономерностей, установленных в эмпирическом исследовании, однако уровень обобщения в этом случае будет невысоким.

Основой обобщения данных с помощью процедуры описания часто выступает создание *типологии* личности. Однако на этом уровне теоретизирования типология личности может иметь сугубо эмпирико-статистический характер и при отсутствии объяснения и обоснования выделенных типов с помощью специального научного языка выполняет инструментальную функцию сокращения большого количества данных до нескольких наиболее крупных единиц — факторов, коррелирующих с первичными переменными. Статистическая процедура факторизации данных также является одной из распространенных стратегий, применяемых в психологии личности для перехода на более высокий уровень обобщения. Несмотря на полезность таких статистических расчетов, исследователь не всегда может использовать их для построения теоретических выводов. «Выявление статистических закономерностей регулируется определенными правилами, но эти зависимости сами требуют содержательных интерпретаций, не предполагают следования условиям причинного вывода и содержательно не характеризуют ту область эмпирии, оценке которой служат» (Корнилова, 2005, с. 161). Даже для перехода на уровень универсальных понятий, а уж тем более универсальных положений, требуется «прорыв в обобщении» (там же, с. 160).

Объяснение как процедура подведения разработанной типологии личности под универсальное положение

Следующим подходом к формированию теоретического знания в истории психологии личности и в современных исследованиях является создание типологии личности, которая с помощью познавательной процедуры *объяснения* может быть подведена под более общее теоретическое основание — *универсальное положение*. В этом случае типология может быть сконструирована с помощью исходно выбранных критериев и представлена в виде теоретической гипотезы, а затем верифицирована на истинность. Также типология может быть получена эмпирическим путем, но, в отличие от обсуждаемого выше случая описания, объясняется с помощью специального научного языка, т. е. представлена не столько как статистическая модель типов личности, сколько как содержательная классификация, в основе которой лежат определенные психологические закономерности. Эти закономерности представляют собой универсальные положения, которые, в отличие от универсального понятия, являются сложными идеальными объектами, суждениями, высказываниями о законах материального мира. Более широкое, но допустимое толкование универсального положения позволяет обозначать «не только отдельные целостные вещи или их свойства, связи, отношения и т. п., но и их возможности, вероятности, обязанности, права и т. п.» (Никитин, 1981, с. 37).

В психологии личности потребность в создании типологии возникла в связи с решением принципиально важного для этой области психологического знания вопроса о научности исследований, которые в ней проводятся. Как пишет К. А. Абульханова-Славская, проблема типологии «есть своеобразный пробный камень зрелости психологической теории личности, диалектичности ее методологии» (Абульханова-Славская, 1983, с. 14).

Действительно, история создания типологий личности во многом связана с преодолением разрыва между общим и особенным, типичным и индивидуальным. Проблема типологизации личности и ее нерешенности, по мнению Абульхановой-Славской, состоит в создании статичных классификаций, построенных по разным, часто случайным и частичным, основаниям. Ссылаясь на работы С.Л. Рубинштейна, автор отмечает, что «в основу построения типологии должен быть положен принцип анализа личности через ее жизнедеятельность, через способ ее жизни» (там же, с. 18), оценку уровня активности и меры субъектности. Используя ряд объясни-

тельных принципов, необходимых для построения и обоснования типологии, Абульханова-Славская показывает, что только при таком подходе к изучению личности можно представить проблему индивидуальности как типологическую, «как проблему индивидуально-типологических различий», и тем самым сформулировать универсальные положения относительно «активности, развития и интегративности личности».

Раскрывая содержание типологического подхода через его связь с принципом развития (Анцыферова, 1990), с изучением функционирования личности в жизнедеятельности (Абульханова-Славская, 1990), с экономическими изменениями в российском обществе (Журавлев, Журавлева, 2006), авторы одновременно осуществляют теоретический анализ этой проблемы в психологии, показывая, каким образом может быть решен вопрос о соотношении индивидуального и типичного, эмпирического и теоретического знания.

Правда, отношение к типологическому подходу в психологии оставалось и остается неоднозначным. Так, В. Д. Небылицын в книге «Основные свойства нервной системы человека», характеризуя главные принципы подхода к изучению свойств нервной системы, достаточно скептически оценил проблему определения типов нервной системы и резонно отметил следующее: «Классификация «типов высшей нервной деятельности», созданная на основе учения о свойствах и как бы в развитие этого учения, явилась на самом деле, как показал опыт применения этой классификации в физиологии и психологии, очевидным шагом назад по сравнению с оригинальной и в высшей степени плодотворной идеей об основных свойствах нервной системы» (Небылицын, 1966, с. 7–8). Ссылаясь на мнение Б. М. Теплова, который считал, что стремление свести все варианты сочетания свойств нервной системы к четырем типам — не совсем удачная идея, Небылицын утверждает, что более плодотворным является детальное изучение свойств нервной системы, которые выделены в качестве оснований классификации. Научный смысл выделения типов нервной системы, типов темперамента ему представлялся малопонятным.

Сравнивая типологию свойств нервной системы с типологией личности, Абульханова-Славская подчеркивает, что такая «закрытая» типологизация не может быть применима для исследования высших уровней организации психического. Для построения личности должна быть разработана «открытая», прогрессивная типология, в которой отсутствует полный набор заранее установленных

признаков. При этом делается важный для настоящей работы вывод о том, что «построение типологии при исследовании личности не цель, при достижении которой создается классификация людей, а средство выявления многообразия личностных конструктов» (Абульханова-Славская, 1990, с. 22).

Конструирование типологий личности — один из подходов к формированию теоретического знания в психологии личности. Сама по себе типология не имеет особого значения для формулировки более общих научных высказываний, однако при определенных условиях, которые частично обсуждались выше, может, с одной стороны, включать в себя фактологический материал, иметь прямую связь с реальностью и с разнообразием личностных характеристик, а с другой — путем подведения под универсальное положение быть основой для формирования теоретического знания. Тем не менее, типология, как было отмечено выше, не позволяет осуществить систематизацию теоретического знания, выявить психологические механизмы и построить теоретическую модель изучаемой части реальности.

Обоснование и предсказание идеальных объектов с помощью системы универсальных положений о личности

Наиболее сложным типом универсалий, по мнению Е. П. Никитина, являются *системы универсальных положений*, которые в познавательной сфере представляют собой *теории*; универсальные положения, из которых состоит теория, являются *законами* науки (Никитин, 1981, с. 39). Универсальные положения теории представляют собой иерархическую систему, в которой отдельные положения, как правило, связаны как внутриуровневыми, так и межуровневыми отношениями.

Теории, как известно, проверяются на истинность путем операционализации теоретических конструктов в виде изменяемых и измеряемых переменных. Верификация/фальсификация эмпирических (в том числе экспериментальных) гипотез через процедуры доказательства, интерпретации, объяснения и предсказания и др., которая не обязательно должна происходить в одном ограниченном во времени эмпирическом исследовании, является основой для построения теории при условии *обоснования* полученных эмпирических зависимостей.

Теории могут включать в себя разные по уровню обобщения универсальные положения; они могут состоять из отдельных тео-

ретических высказываний, часто несистематизированных и не обоснованных с точки зрения их связанности. Такое положение дел наблюдается в тех областях знания, где представление об объекте исследования находится в самом начале его изучения. Этот вывод правомерен по отношению к психологии личности начала XX в., когда собственно теоретические воззрения о личности только начинали формироваться.

Р. Фрейджер и Дж. Фейдимен пишут, что многие известные ученые, разработавшие свою собственную теорию личности, были убеждены в том, что именно их опыт и теория, построенная на основе этого опыта, являются истиной в последней инстанции, т. е. системой универсальных положений, под которые можно подвести все множество проявлений личности и закономерным образом обосновать их. На самом деле, как указывают авторы, каждая теория личности имеет определенное отношение к любому человеку, и именно в этом состоит ее ценность.

Тем не менее, именно такая установка в отношении разрабатываемой авторской теории, т. е. стремление исследователя сделать главные положения своей концепции как можно более универсальными, иерархически связанными и верифицируемыми, обязывает ученого к тому, чтобы отстаиваемая им позиция действительно могла бы быть названа теорией. Эта установка определяет направление научного поиска и выбор познавательных операций – объяснения и предсказания, – которые наряду с другими операциями включены в общую познавательную процедуру обоснования. Объяснительная и предсказательная сила теории неразделимы: благодаря операции объяснения эмпирические факты и зависимости включаются в систему универсальных положений данной теории, а благодаря операции предсказания устанавливается факт вероятного наступления тех или иных событий, входящих в предметное поле теории в будущем. Отсутствие у теории потенциала предсказания событий подвергает сомнению ее научную ценность и значимость (см. также: Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Все высказанные соображения имеют прямое отношение к психологической теории личности, в том числе и утверждение о том, что теория представляет идеальный объект в его целостности, иерархичности и внутренней связанности и с ее помощью можно объяснить любые индивидуальные проявления человека как личности. «К психологии личности обычно относят прежде всего совокупность психических свойств человека (особенно свойств характера и способностей), взаимосвязанных, взаимообусловленных и нахо-

дящихся друг к другу в отношении определенной субординации» (Рубинштейн, 1959, с. 125).

В отличие от «открытой» типологии личности, которая описывает разные идеальные объекты на уровне теоретического знания, теория строится в отношении одного идеального объекта, непосредственные и разнообразные референты которого можно найти в реальной действительности. Обращения исследователя к типологии бывает недостаточно для объяснения промежуточных типов личности, тогда как теория конструируется для объяснения всего многообразия явлений данной предметной области знания.

В истории психологии личности пути формирования теоретического знания были разнообразны. На рубеже XIX–XX вв. и вплоть до 50–70 годов XX в. появляется значительное количество теорий, ставших хорошо известными в научной психологии (теории З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, К. Левина, Г. Оллпорта, К. Роджерса, А. Маслоу и др.). Многие из этих концепций создавались на примере анализа отдельных случаев и до сих пор считаются качественными теориями.

Развитие психометрики и психодиагностики кардинальным образом повлияло на формирование теоретического знания: современный исследователь в худшем случае предпочитает оставаться на уровне анализа эмпирических результатов, в лучшем – пытается их обсудить. Такой контраст между более ранними исследованиями в области психологии личности и более поздними постепенно устраняется тем, что на современном уровне развития психологического знания появляется интерес к разработке теоретико-эмпирических моделей личности или ее отдельных особенностей, значительное внимание уделяется формулировке общих принципов исследования.

В этом нам видится явный прогресс в развитии психологического знания на современном этапе развития науки. Он состоит в том, что процедура проведения исследования в области психологии личности становится более полной, поскольку в нее включается ранее отсутствовавшая часть планирования эмпирического исследования – создание теоретико-эмпирической модели личности и формулировка как теоретической, так и эмпирических гипотез. Устранение разрыва между наблюдением за единичными случаями и конструированием системы универсальных положений (т. е. собственно теории) сделало возможным постепенное восхождение от абстрактного к конкретному и обратно, тем более что разработка теоретико-эмпирической модели вполне согласо-

ется с мнением о допустимости понятия «эмпирический закон». «В „эмпирических“ науках законы высшего уровня обычно называются „принципами“, низшего — „эмпирическими законами“, которые «по всем своим существенным характеристикам: составу, структуре, генезису, функциям в познании — сходны с „теоретическими законами“» (Никитин, 1981, с. 40).

Конструирование теоретико-эмпирической модели, которая включает в себя основные теоретические конструкты, представленные в виде эмпирических переменных, — существенный прорыв в развитии теоретического знания в психологии личности. Он открывает путь не только к описанию полученных данных, но и к их объяснению и в целом — к обоснованию. В отличие от типологии, интерес к которой постепенно начинает снижаться, создание эмпирической модели предполагает обоснование входящих в нее компонентов, связей между ними, и является закономерным этапом в переходе к формулировке универсальных положений теории личности.

Заключение

Формирование теоретического знания в психологии личности осуществляется с помощью универсальных познавательных операций и процедур. В современной психологии для подведения эмпирического факта под универсальное положение чаще всего используется процедура *описания* этого факта. В этом случае уровень теоретического обобщения оказывается невысоким, соответственно, формулировка такого положения не всегда принимает характер закономерности, но чаще всего представляет собой констатацию факта и, как следствие, — подведение этого факта под универсальное понятие.

Обращение к познавательной операции *объяснения* предполагает установление связи между переменными и обоснование полученных зависимостей в виде закономерностей или законов. В психологии личности определенным уровнем обобщения обладают эмпирические законы. По сравнению с процедурой описания, к объяснению психологических фактов и зависимостей прибегают реже. Несмотря на это, объяснение является предметом широких дискуссий, которые проводятся в современной психологии, что свидетельствует об актуальной потребности ученых в обращении именно к этой познавательной операции для презентации своих данных на более высоком, теоретическом уровне знания. Дискуссионность обсуждаемого вопроса доказывает, насколько решение

проблемы объяснения важно для психологии в настоящий момент и, одновременно, насколько ее понимание и возможности применения еще не до конца осмыслены.

Научное *обоснование* рассматривается нами как познавательная процедура, которая используется для формирования системы теоретических положений, т. е. собственно теории. Для психологии в целом и для психологии личности в частности создание научной теории является непростой задачей. Рассматривая историю формирования теоретического знания в психологии личности, мы отметили неравномерность этого процесса; показали, что наличие существенного разрыва между описанием отдельных случаев и абстрактными теоретическими положениями создавало серьезные проблемы, главная из которых состояла в невозможности решить методологическую задачу объединения единичного и общего знания, идиографического и номотетического методов исследования. Позднее интерес ученых к формулированию универсальных положений был перенесен на обсуждение способов получения эмпирических фактов; проблема интерпретации данных в виде их простого описания стала ведущей, а потребность в обобщении и систематизации результатов удовлетворялась созданием различных типологий личности.

Современный этап в развитии психологии личности характеризуется осознанием необходимости преодоления разрыва между уникальным и универсальным знанием, особенным и типичным за счет постановки и достижения цели конструирования *теоретико-эмпирической модели* изучаемого объекта, которая связывает между собой разные по своей универсальности представления о предмете исследования. Переход от теоретико-эмпирической модели к теории требует овладения исследователем познавательной процедурой обоснования и ее отдельными операциями — доказательством, интерпретацией, объяснением, предсказанием и др. Только такая последовательность в обосновании теоретического знания в психологии личности может способствовать установлению связи между универсальными положениями теории и их материальными референтами, а самое главное — объяснению тех конструктов, которые не имеют очевидных референтов предметного мира, ведь для любого теоретического знания важно и то, и другое.

Проблема существования объекта теоретического знания и поиска его материальных референтов стала актуальной для развития естественных наук в прошлом столетии; эта же проблема возникла и перед учеными естественно-научного и социогуманитарного

направлений в психологии, в которых прямая связь теоретических положений с материальными объектами (чувствами, поведением и др.) стала подвергаться серьезной критике.

Это значит, что развитие психологии в целом и психологии личности в частности происходит соразмерно развитию современной естественной и гуманитарной науки и обсуждению общих методологических вопросов, которые в том числе касаются формирования теоретического знания и его соответствия бытию природы и человека. Актуальность этого вопроса для всей науки подтверждается следующими словами: «Развитие науки в XX в. привело к осознанию того, что объект теоретического знания не обязан быть аналогом пространственно-временным образом локализованной вещи эмпирически существующего и данного нам в эмпирической деятельности мира. Реально такие объекты в теории существовали и раньше, но это обстоятельство не осознавалось» (Грязнов, 1982, с. 49–50). Осмысление этой особенности познавательной деятельности ученого-естествоиспытателя и ученого-гуманитария открывает большие возможности для объяснения и обоснования эмпирического и теоретического знания в современной науке.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.
- Абульханова-Славская К. А.* Особенности типологического подхода и метода исследования личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. С. 18–25.
- Анцыферова Л. И.* Системный подход в психологии личности // Принцип системности в психологических исследованиях / Отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 61–77.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Грязнов Б. С.* Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982.

- Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П.* Теория и ее объект. М.: Наука, 1973.
- Ждан А. Н.* Проблема объяснения в психологии: исторический аспект // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. № 1. С. 22–27.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А.* Психологическая типология ориентаций личности на экономические ценности // *Организаторские способности в логике ментального управления социальными группами и организациями: Материалы международного симпозиума*. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2006. С. 113–116.
- Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Генезис принципа развития в современной психологии (Вместо предисловия) // *Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–30.
- Знаков В. В.* Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.
- Знаков В. В.* Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6 (31). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы в психологии в начале XXI века // *Психологический журнал*. 2006а. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Мазилев В. А.* К проблеме объяснения в психологии // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2006б. Вып. 2 (12). С. 9–19.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки на современном этапе: проблемы и перспективы // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2007. Т. 4. № 2. С. 3–21.
- Методология комплексного человекознания и современная психология* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Небылицын В. Д.* Основные свойства нервной системы человека. М.: Просвещение, 1966.
- Никитин Е. П.* Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
- Никитин Е. П.* Природа обоснования. М.: Наука, 1981.

- Никитин Е. П.* Открытие и обоснование. М.: Мысль, 1988.
- Никитина А. Г.* Предвидение как человеческая способность. М.: Мысль, 1975.
- Никитина А. Г., Никитин Е. П.* Функции научного исследования // *Философия и методология науки: В 2 ч. Ч. 1.* М.: SvR-Аргус, 1994. С. 130–154.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // *Психологический журнал.* 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // *Психологические исследования.* 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.12.2017).
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // *Принцип развития в современной психологии* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–115.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Пути и принципы теоретико-экспериментальной психологии и практики // *Взаимоотношения исследовательской и практической психологии.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 18–69.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Социальная психология знания как новая отрасль (вместо введения) // А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков,

Описание, объяснение и обоснование теоретического знания

- Т. А. Нестик, А. Н. Поддьяков, А. В. Юревич. Социальная психология знания / Под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–15.
- Фрейдджер Р., Фейдимен Дж.* Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.
- Юревич А. В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–45.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Юревич А. В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Юревич А. В.* Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 74–87.